сит дополнительный, шутливый и в какой-то степени определяющий характер, т.е. раз существует связь с концептом «школа», то утрируется «подростковость», «инфантильность», «боязнь настоящей жизни» и т.д. В «Словаре русской брани» *роза* не фиксируется.

В азербайджанском языке эквивалентом русского слова *роза* является лексема *qızılgül*. В ТСАЯ это слово фиксируется только в основном в номинативном значении. Отмечается также употребление в значении «рисунок, напоминающий розу, нанесенный на ковер» [6, cild. 3, s. 158].

Относительно русского языка, с учетом выражения *роза ветров*, можно говорить об ассоциативном обыгрывании данного знака. В жаргоне *роза* становится объектом игры на основе как внешнего подобия (шарф футбольных фанатов), так и внутренних ассоциаций. *Роза* укладывается также в общую модель переосмысления на основе ассоциаций с сексуальными понятиями, т.е. и это слово приобретает в современном русском языке негативный с точки зрения нормативной системы смысл. В азербайджанском языке, несмотря на большое символическое значение слова *qızılgül* как в восточной, так и в азербайджанской поэзии, оно не становится объектом переосмысления.

Список литературы

1. Грановская Л.М. Растительный мир Библии: краткий словарь. Баку: Мутарджим, 2015.
2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани. СПб.: Норинт, 2003.
3. Никитина Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь. М.: Астрель: АСТ, 2003.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1; 1984. Т. 4.
5. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.
6. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. Bakı: Şərq-Qərb, 2006.

* * *

1. Granovskaja L.M. Rastitel'nyj mir Biblii: kratkij slovar'. Baku: Mutardzhim, 2015.
2. Mokienko V.M., Nikitina T.G. Slovar' russkoj brani. SPb.: Norint, 2003.
3. Nikitina T.G. Molodezhnyj sleng: tolkovyj slovar'. M.: Astrel': AST, 2003.
4. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / AN SSSR. In-t rus. jaz. M.: Rus. jaz., 1981. T. 1; 1984. T. 4.
5. Tresidder Dzh. Slovar' simvolov. M.: FAIR-PRESS, 2001.

Play with notions of plants in the Russian and Azerbaijani languages

There is researched the issue of evolution of the semantic language system. There is considered the play with notions of plants. There are analyzed the words "дерево", "цветок" and "роза" in the Russian language, "ağac", "gül", "qızılgül" in the Azerbaijani language, which makes it possible to state that these concepts have common semes for development in these languages. A greater symbolic meaning is given to the names of some particular trees and flowers in the world picture of the Russian and Azerbaijani people.

Key words: *notions, plants, tree, flower, rose, sign, play, phraseology, phraseological units.*

(Статья поступила в редакцию 18.10.2015)

И. КОЗМАЧ
(Сегед, Венгрия),
А.В. ЕГОРОВ
(Ижевск)

БЕРНАТ МУНКАЧИ И НАЧАЛО ПОЛЕВЫХ РАБОТ В ВЕНГЕРСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ*

Описана подготовка молодого венгерского ученого Берната Мункачи к диалектологической экспедиции 1885 г., целью которой было при помощи полевых исследований собрать эмпирический материал для финно-венгерских студий, осуществляемых на территории Венгрии.

Ключевые слова: *Бернат Мункачи, венгерские ученые, удмурты, удмуртский язык, удмуртские диалекты, диалектология, полевые исследования.*

Молодой венгерский ученый Бернат Мункачи, готовясь к российской экспедиции 1885 г., изъявил желание исследовать удмуртский языковой материал, о чем он пишет в предисловии к своей книге "Votják nyelvmutatványok": *До сих пор сведения о вотяцком языке, как правило, основывались на*

* Исследование выполнено в рамках поддержанного Российским научным фондом проекта № 14-18-03573 «"Поля несуществующего": неизвестные источники по истории и культуре финно-угорских народов России (поиск, публикация, популяризация)».

© Козмач И., Егоров А.В., 2015

переводных текстах, часто религиозных по содержанию. Оригинальные языковые данные в достаточном количестве появились лишь за два года до этого в издании Казанского миссионерского общества под названием "Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний"» [7]. В действительности все происходившее являлось лишь предпосылками для достижения истинной цели – «разгадки» мансийского собрания А. Регули.

В 1885 г. в распоряжении ученых еще не было достоверного материала для сравнительных и исторических лингвистических исследований, удовлетворительного по количеству и качеству. Одна из причин отсутствия эмпирического языкового материала – сложность его фиксации, поскольку она могла происходить исключительно рукописным способом. Рукописи же со многих точек зрения были непригодны для того, чтобы достоверно зафиксировать языковой материал. Фиксация отдельных слов, впрочем, не составляла особых проблем. В случае комплексного сбора данных, какой планировал осуществить Б. Мункачи в своей поездке по удмуртской земле, необходимо принимать во внимание и те обстоятельства, о которых в настоящее время вспоминают редко: например, то, что фиксация языкового материала может происходить лишь в условиях, пригодных для письма. Скорость письма значительно ниже, чем скорость живого разговора, а скорость записи произнесенного текста ограничивает и окунание ручки в чернила. По этой причине многие собиратели создавали собственную систему скорописи либо сокращений, что, в свою очередь, требовало от них дальнейшей расшифровки собранного материала. Частично это и послужило причиной того, что для полной обработки мансийского материала А. Регули позднее Б. Мункачи придется выехать к манси.

Собранный материал необходимо было транспортировать различными способами (на поезде, лодке, телеге, санях и т.д.), оберегая его в дороге от повреждений, запыления, огня, воды, иногда делая копии, а порой и копии копий. Читая дневник Б. Мункачи [5] либо его отчет о поездке к манси [9], можно осознать, насколько непростым было это дело.

Но отсутствие эмпирического языкового материала в то время объяснялось еще и тем, что возможности научной коммуникации во времена Б. Мункачи были ограничены. Данных и специальной литературы по рассматриваемым языкам в венгерской науке не было. Учитель Мункачи Й. Буденц и его ученики даже представления не имели о существовании значимых трудов, как об этом писал Б. Мункачи в своем письме Й. Буденцу: *Я уже много раз упоминал фамилию Кузнецов. Согласно документам, до сих пор он был охранником музея и секретарем археологического общества. Имеет большую склонность особенно к черемисской тематике, по которой опубликовал уже множество известных сообщений. Сейчас готовит отличную книгу об истинных языческих черемисских ритуалах с некоторым количеством молитв на черемисском языке. Кроме того, я видел у него рукопись огромного толстого черемисского словаря с богатой фразеологией. Исключительный интерес имеет он и в отношении венгерско-угорского словаря. <...> В общей сложности нахожусь в Казани шесть недель, но уже получил доступ к стольким новым источникам, что чуть не потерял дар речи, увидев их. Как же мало знаний получили наши отечественные ученые в этнографических вопросах (дань уважения некоторым, представляющим исключение!)* [5, с. 229–246].

Разумеется, отсутствие языковых данных представляло проблему лишь для тех, кто считал, что языки необходимо изучать в сопоставлении. В языкознании того периода не все принимали это положение, и для них отсутствие языковых данных не составляло трудностей. В 1870–1880-е гг. еще бытовало представление о том, что первоначально языки необходимо исследовать сами по себе и лишь затем стоит сводить их с другими «идиомами» (если вообще стоит). Но, независимо от того, какой из точек зрения придерживались ученые, конечная цель всегда была одна – обнаружить древний, истинный язык. Суммарно можно, вероятно, заявить о том, что до Й. Буденца *еще* не было, а во времена Б. Мункачи *уже* не было целью доказательство финно-угорского происхождения венгерского языка. Другими словами, к тому времени, когда Б. Мункачи начал свою деятельность, Й. Буденц с учениками, основываясь на работах, выполненных при помощи методов сравнительного языкознания, не видели необходимости в доказательстве родства венгерского с языка с финно-угорскими.

Б. Мункачи точно формулирует и на конкретном примере показывает, какие существуют трудности и задачи, не поддающиеся решению в современной науке. Но, видя трудности, продолжает: *На сегодняшний день с полной уверенностью можно признать – по крайней мере в основных элементах – как лексику, так и морфологию угорского языка-основы; по большому счету, отдельно исследованы фоне-*

тические системы каждого отдельного угорского языка, так же, как и те общие фонетические черты, которые характерны для всех угорских языков либо для основных их групп. Пришло время для того, чтобы венгерское сопоставительное языкознание могло выйти из узкого круга, и наряду с его дальнейшим развитием угорского сопоставительного языкознания можно взяться уже за те задачи, которые в обязательном порядке следуют из целей алтайского сравнительного языкознания. А именно в первую очередь необходимо исследовать вопрос о том, можно ли с полной уверенностью утверждать, в чем проявляется данное родство; ограничивается ли оно лишь лексическими соответствиями либо распространяется и на грамматические категории?» [7].

Но если ситуация такова, как выше обрисовал ее Б. Мункачи, т.е. основные работы завершены, удивительно то, что он, готовясь к поездке на удмуртскую землю, работает над удмуртской фонетикой, сообщая об этом в письме Й. Буденцу: *В летние месяцы я начал изучать вотяцкую фонетику, но абсолютно без желания работал над ней, потому что тут же в первой главе не смог решить проблему определения вотяцких гласных* [5, с. 192–196].

Вероятно, более широкое представление также является причиной того, что удмуртский собирательский путь Б. Мункачи был объединен с исследованием чувашского языка. В то время еще не было единого мнения относительно статуса чувашского языка, поэтому его изучение оптимально соответствовало желанию Б. Мункачи выйти за пределы финно-угорских языков. Й. Буденц также серьезно рассматривал эту идею, о чем написал в 1867 г. – что со временем необходимо расширять круг сопоставления. Это следует из того, что одновременно с Б. Мункачи на турецком исследовательском пути находился ученик Й. Буденца Игнац Кунош. Для истории венгерской науки особо примечателен тот факт, что два ученых-коллеги, будучи в дальней дороге, держали связь друг с другом через своего учителя, Й. Буденца.

Если взглянуть на более ранние взгляды Б. Мункачи относительно места и будущего финно-угорских исследований, нужно отметить, что он определенно разделял представление коллеги Й. Синнеи о том, что родство венгерского языка является доказанным: *Неоспоримые факты лингвистической науки доказывают то, что т.н. угорские [= финно-угорские] народы говорят на языках, состоящих в близком родстве с венгерским; таким образом, угорские народы являются нашими языковыми родственниками. Родственны ли мы по крови, это другой вопрос. Вероятно, но нельзя сказать наверняка, поскольку есть примеры на то, как народ поменялся своим языком с другим и таким образом как по крови, так и по языку вновь приобрел родство с другими народами. Таким образом вполне возможно, что венгры, странствовавшие под предводительством Арпада в леопардовой шкуре, по крови все до единого были турками. Об этом можно красиво и научно спорить не только пару сотен лет, но и до конца света, – и тогда вопрос не будет решен однозначно. По крайней мере, таково мое убеждение. Однако определенно то, что если наши предки и были турками, они принесли с собой угорский язык, так что, судя по языку, состояли в родстве с угорскими народами* [15, с. 26–32].

Все это показывает, что, с одной стороны, для Й. Буденца и его последователей вопрос родства венгерского языка был решен, с другой – они ясно видели, каким образом и в какой мере своими сравнительными лингвистическими исследованиями могут способствовать изучению древнейшей истории венгерского народа. Для них еще в 1884 г. было ясно: языковое и кровное родство – это две различные связи между двумя народами. И хотя, быть может, верно, что ранее, как пишет Р. Немет, *различие между языковым и кровным родством не было однозначным* [12, с. 155], для исследователей финно-угорских языков уже довольно давно были выделены два типа родства.

Б. Мункачи путешествует не с целью сбора материала, способного доказать языковое родство, а для того, чтобы получить бóльшие и лучшие источники для расширенного сопоставления. В этом путешествии он осуществляет свою детскую мечту – отправляется на поиски предков венгров, мечтая, в конечном итоге, исследовать венгров, обнаруженных Юлианусом.

В 1800-е годы в Венгрии было объявлено множество конкурсов в сфере исследования диалектов. В это время и в печати стали появляться работы, касающиеся вопросов диалектологии, написанные уже не с практической, а с теоретической целью. И хотя лингвистика ставила своей основополагающей целью исследование происхождения языка (в двояком смысле: с одной стороны, происхождение человеческого языка, с другой – связи отдельных языков), вскоре ученые пришли к тому, что без познания отдельных конкретных языков нет надежды на решение общей проблемы языка. Таким образом, для современной науки был крайне необходим языковой материал.

Поэтому абсолютно неудивительно, что этот вопрос стал одной из целей Венгерской академии наук. Уже в 1843 г. академия делает первые шаги в разработке венгерской диалектологии.

Усиленное исследование диалектов началось лишь после революции 1848–1849 гг. П. Хунфалви пишет в журнале «Венгерское языкознание» о том, что исследование диалектов необходимо не только для истории языка, но и для изучения общей природы языка. Активность в исследованиях диалектов возрастает к 1872 г. и связана с созданием журнала “Magyar Nyelvőr”.

Несмотря на множество диалектологических коллекций, их результат довольно различен по ценности. Это объясняется тем, что значительную их часть собирали неквалифицированные лингвисты, поэтому зачастую материал был ненадежным с точки зрения как фонетики, так и интерпретации [3, с. 6].

В 1901 г. Э. Сетяля повторяет систему записи, рекомендованную для фиксации финно-угорских языков, а в 1905 г. (т.е. значительно позднее поездок Б. Мункачи) из-под пера Й. Балашша появилось на свет руководство под названием «Исследование языка народа». Следовательно, до поездки Б. Мункачи к удмуртам в его распоряжении не было методологии диалектологических исследований. Поэтому в 1880 г., договорившись с И. Куношем, они отправились в диалектологическую экспедицию к чангошам, после возвращения из которой он пишет Й. Буденцу: *Я чувствовал необходимость в получении определенных практических навыков для изучения диалектов, в разработке нескольких прикладных методов для непосредственного исследования народной жизни и языка. Я держал путь из столицы напрямую в северную часть Трансильвании, где, проведя четыре недели в окрестностях Банфихуняда, начал приготовления к дальнему пути, который Вам уже известен – к чангошам. 19 июня я прибыл в Варшаву, откуда через хетфалушских чангошей, через удивительно прекрасный Ойтоз прибыл в Бакэу, центральный город венгров местности Серет. Отсюда по совету священника из г. Клежа Иннокентия Петраша мы с коллегой Куношом направились на юг, перейдя реку Серет, в Толоцкуцене, самой южной деревне чангошей мы обнаружили до сих пор неизвестный и во многих смыслах поучительный диалект. Мы бродили по всем селениям внешнего берега Серета и посетили даже Сабофалва, большое поселение чангошей к северу от Романа. Пройдя в общей сложности 37 миль, мы вернулись в Бакэу. Здесь, встретившись с епископом Кубински и получив его благословение, несмотря на неблагоприятные условия, мы решили посетить и третью народность, носящую имя чанго – венгров из области Димеш. Таким образом, мы вернулись обратно на родину, пройдя 50 миль пешим ходом и около 25 миль на телеге через Чик, Харомсек, Удвархей, а сейчас отдыхаем в моем родном городе. Множество неудобных, опасных моментов сменялось минутами радости. Как бы то ни было, я исключительно рад успешно пройденному пути, поскольку, не считая привезенного нами ценного материала, я освоил большую науку, имя которой – практичность, приспособление к различным условиям и людям. Я считаю, что смогу получить пользу от предстоящего, возможно, еще большего по важности пути* [5, с. 188–189].

Пробная поездка Б. Мункачи к молдавским чангошам оказалась удачной и в том смысле, что он на опыте смог убедиться, какой путь можно пройти за определенный промежуток времени. Возможно, не случайно, что в поездке по удмуртской земле он преодолел почти такое же расстояние, как во время собирания материала у чангошей (между 14 июня и 1 сентября 1885 г.).

Отрывок предыдущего письма интересен еще и тем, что в нем прослеживаются все элементы и особенности путешествия: с одной стороны, абсолютно случайный маршрут – неожиданные встречи дают исследователям направление дальнейшего движения, с другой стороны, будучи лингвистами, они собирают фольклорный материал, что было обычным явлением для того времени.

В настоящее время существует отработанная методика сбора диалектологического материала со своими методами: анкетирование, вопросительные предложения, техника дополнения предложений, анкетирование с наглядным материалом. Происходит фиксация социологических переменных: пол, возраст информанта, место рождения, профессия, образование, языковая биография.

Естественно, Б. Мункачи записывал имя, место жительства информантов, однако прочую информацию о них не фиксировал. Отдельных информантов он упоминает в своем дневнике, и там же можно получить более подробные сведения о них. Собранный им языковой материал исключительно объективен и полностью зафиксирован в письменном виде. Значительная часть текстов представляет собой фольклор: сказки, легенды, притчи, пословицы, поверья, загадки.

Б. Мункачи сознательно не собирал языковые данные, но можно найти таковые среди его заметок: он фиксировал беседу окружения не с целью собирания, а лишь с учебным умыслом. В его блокноте зафиксированы несколько предложений, диалогов, которые могут быть расценены как разговорный язык.

Б. Мункачи не имел разработанной методики. Обычно сбор материала происходил следующим образом: собиратель, после того как прибыл на место (сначала это было, как правило, село сопровождавшего его языкового консультанта), если позволяло время, налаживал более тесные связи с будущими информантами. Б. Мункачи использовал этот способ в с. Люк (место проживания его помощника) и его окрестностях. Однако, поскольку путешествие проходило довольно трудно, в других районах он мог проводить лишь пару дней (в находящемся по течению Чепцы Балезино, в деревнях в окрестностях р. Ватка, у язычников вдоль р. Буй, а также в трех деревнях вдоль современной реки Тоймы). В таких случаях полученные рекомендации помогали ему при сборе, и деревенский священник либо учитель предоставляли ему поддержку при поиске информантов. Как бы то ни было, собиратель всегда предварительно договаривался с информантами о том, чего ожидает от них, какое вознаграждение они получат в каждом конкретном случае. После договора с информантами начиналось говорение текстов. Их фиксировали и лингвист, и его помощник, после окончания сбора помощник уже в отсутствие информанта и без его помощи формировал текст. Б. Мункачи использовал следующий метод сбора: при содействии помощника просил информанта рассказать сказку на русском языке (чтобы знать ее содержание), а затем по-удмуртски.

Языковой консультант был действительно необходим в процессе сбора материала, но вследствие его роли в формировании собранного материала фиксировались не совсем аутентичные тексты, поскольку на них мог влиять и идиолект консультанта. Вполне вероятно, что отдельные диалектные, фонетические различия были установлены не только на основе услышанных разговоров, т.е. не отображали конкретное, свойственное информантам произношение, а языковые формы фиксировались на основе общепринятых представлений о языке.

Огромный успех Б. Мункачи в том, что в ходе поездки, используя свои записи, он пришел к результату, близкому к современной диалектологической классификации. Его собрание ценно для удмуртского языка с точки зрения лексики и морфологии.

Несмотря на полное отсутствие в то время методов современного диалектологического сбора, работа Б. Мункачи считается значительной по той причине, что он смог собрать языковой материал, используемый и в настоящее время (не стоит забывать о том, что фактически это самый первый диалектологический материал по удмуртскому языку). Объяснение нужно искать в равной степени как в объективных, так и в субъективных причинах. Объективной причиной является то, что, какой бы материал он ни привез, в любом случае он был бы ценным как для венгерской, так и для европейской лингвистической науки, ибо собирал его квалифицированный специалист, руководствуясь лингвистической целью. Ранее подобного материала для данной языковой группы не существовало. Объективным обстоятельством является и то, что, несмотря на случайный характер отбора информантов, они были отобраны оптимально, согласно особенностям удмуртского деревенского общества: мужчины проживали на месте своего рождения, в то время как женщины, как правило, выходили замуж в другие деревни. Среди информантов Б. Мункачи были либо мужчины, либо еще не вышедшие замуж и не покинувшие свои деревни женщины.

Субъективные причины можно найти в самой личности Б. Мункачи, в его невероятной работоспособности. Иначе трудно объяснить, каким образом за два с половиной месяца он сумел собрать материал для целой книги, успел проверить татарский словарь Г. Балинта, подвергнуть ревизии удмуртский словник Ф.И. Видеманна, при этом боролся с местными бюрократическими порядками, а иногда и с враждебным к себе отношением. Меньше чем за три года он объединил собранные тексты в один том и на основе имеющегося материала составил «Словарь удмуртского языка». Уже по своему объему 800-страничный словарь заслуживает уважения, но, кроме того, это крайне основательная и досконально написанная работа.

Словарь покоряет пользователя своим богатством. Построение словарных статей следующее: заглавное слово с указанием диалекта, за которым следуют те формы слова, которые Б. Мункачи обнаружил в своем материале, в различающихся диалектах, а также в использованных им прочих источниках, в любом случае – с точным указанием диалекта и места бытования. Далее следует венгерское значение (после названия растения и животного фигурирует и латинское соответствие), а в случае

фиксации находим также русское и татарское значения, затем следует отделенное вертикальной чертой немецкое значение – последнее во всех случаях. В угловых скобках отмечается происхождение слова. Затем следуют образованные от слова фраземы, грамматические конструкции и сложные слова. В случае со словами, представляющими этнографический интерес, дается их подробное описание, проработанное с энциклопедической тщательностью. В конце словаря находим немецкий указатель – таким образом, словарь в действительности является удмуртско-венгерским/немецко-удмуртским.

Таков был вклад Берната Мункачи в науку, наряду с получившими награды работами, статьями, когда в 1889 г. он с материалом А. Регули в багаже отправился во вторую российскую экспедицию, чтобы вновь оказаться в Казани рядом с удмуртскими информантами.

Список литературы

1. Aranka Gy. A magyar nyelvmívelő társaság munkáinak első darabja. Szebenben, 1796. URL: http://kiad.hu/bibl/elsodarab/].

2. Ballagi M. A magyar nyelvészkedés köre. Akadémiai székfoglaló értekezés. Akadémiai Értesítő. 1859. 19/5. 397–423. old.

3. Csűry B. A nyelvi búvárlat módszere. Budapest: Turul Szövetség, 1936.

4. Czuczor G., Fogarasi J. A magyar nyelv szótára I. Pest: Emich, 1862.

5. Kozmács I. Megvalósult gyermekálom. Munkácsi Bernát udmurtföldi útja. Pozsony: AB-ART, 2008.

6. Munkácsi B. Votják nyelvmutatványok // Nyelvtudományi Közlemények. 1883. 17. 247–302. old.

7. Munkácsi B. Az altáji nyelvek számképzése. Budenz-album. Budapest: Akadémiai Könyvkereskedés, 1884. 255–315. old.

8. Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1887.

9. Munkácsi B. Nyelvészeti tanulmányutam a vogulok földjén // Budapesti Szemle. 1889. 155. sz. 206–238. old.; 156. sz. 382–408. old.

10. Munkácsi B. A votják nyelv szótára. 1890–1896.

11. Munkácsi B. Budenz-ereklyék I // Magyar Nyelvőr. 1936. 65. sz. 51–61. old.

12. Németh R. A XIX. századi nyelvbölcselet és a Magyar nyelv szótárának etimológiai elvei: PhD-értekezés. 2007.

13. Setälä, E. N. Über die Transkription der finnisch-ugrischen Sprachen // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1. 1901. 15–52. old.

14. Széchy Gy. Az egyetemes dialectus // Tudománytár, Értekezések 6. 1839. 9. sz. 171–187. old.; 10. sz. 244–254. old.; 11. sz. 273–284. old.

15. Szinnyei J. Az ugor népek. Budenz-album. Budapest: Akadémiai Könyvkereskedés, 1884. 26–32. old.

Bernát Munkácsi and the beginning of field work in the Hungarian linguistics

There is described the preparation of a young Hungarian scientist BernátMunkácsi for the dialectological expedition of the 1885 with the aim to collect the empiric material for Finno-Hungarian studios at the territory of Hungary.

Key words: *Bernát Munkácsi, Hungarian scientists, the Udmurt, the Udmurt language, the Udmurt dialects, dialectology, field research.*

(Статья поступила в редакцию 30.10.2015)

Е.М. ЗАХАРОВА
(Волгоград)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИГУРЫ РЕЧИ СРАВНЕНИЯ В РОМАНЕ ГЕРМАНА ГЕССЕ «ДЕМИАН. ИСТОРИЯ ЮНОСТИ, НАПИСАННАЯ ЭМИЛЕМ СИНКЛЕРОМ» (на примере денотативной сферы «Предметы и артефакты»)

На материале романа «Демиан. История юности, написанная Эмилем Синклером» устанавливаются функции сравнения и способы его выражения в индивидуально-авторской картине мира швейцарско-немецкого писателя Г. Гессе. Выявлен художественно-эстетический и прагматический потенциал сравнения на примере денотативной сферы «Предметы и артефакты».

Ключевые слова: *фигура речи, сравнение, сравнительный оборот, оценка, образ, функция, протагонист, читатель, роман.*

Индивидуально-авторская концептосфера все чаще становится в последнее десятилетие объектом изучения отечественных ученых [7, с. 91–95; 9; 10; 11; 14]. Значительное внимание при этом уделяется художественно-

© Захарова Е.М., 2015